

Политические идентичности, ценности и ориентации

УДК-323(470+571)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ГРАЖДАН СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ДЕМОКРАТИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)*

Н.В. Борисова, К.А. Воронова¹

Авторы статьи ставят вопрос о характерных для современного российского общества ценностных ориентациях с точки зрения их возможного влияния на качество и действенность политических институтов демократии. На основе методики Ш. Шварца выявлены доминирующие в российском обществе ценности, проведен сравнительный анализ ценностных ориентаций и предпочтений, характерных для пермяков и среднестатистического россиянина. Авторы приходят к выводу о склонности российского общества к консервативным и коллективистским ценностям с ориентацией на безопасность и защиту государства, которые потенциально являются питательной средой для авторитаризма и выступают барьером для институтов демократии.

Ключевые слова: социальные и политические институты; гражданское общество; демократия; ценности и ценностные ориентации.

В 2010 г. В. Гельман в своей работе «Политические институты», выполненной в рамках аналитического экспертного проекта Московского центра Карнеги «Россия – 2020. Сценарии развития страны», писал: «Важнейшим итогом институционального строительства последних двух десятилетий в России стали становление и последующая консолидация трех важнейших институтов (институционального «ядра») российского политического режима: (1) монопольное господство фактического лидера федеральной исполнительной власти в сфере принятия политических решений; (2) отсутствие открытой электоральной конкуренции элит; (3) иерархическая соподчиненность субнациональных органов власти и управления («вертикаль власти»)» [9]. Диагностируя таким

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

¹ Борисова Надежда Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, ведущий социолог Пермского центра социального партнерства и социологических исследований ПГНИУ. E-mail: Воронова Ксения Андреевна – ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: voron55555@yandex.ru.

образом состояние политического организма России, В.Гельман в качестве причины его «болезни» указывает на авторитарный характер социальных и политических институтов, сложившихся и укоренившихся в нашей стране в результате институционального развития в 1990–2000-е гг.

Авторитарный характер политических институтов фактически блокирует возможность демократического развития России. А.Мельвиль и М.Миронюк объясняют российский случай наряду с другими посткоммунистическими случаями неудачной с точки зрения продвижения к демократии политической трансформации с помощью модели «царь горы» [17]. Неформальная модель «царя горы» представляет собой кривую, которая показывает зависимость между качеством институтов и извлечением ренты на примере посткоммунистических автократий: «У «царя горы» просто нет интересов, нет мотивации, которая побуждала бы его к формированию качественных институтов управления и сколько-нибудь демократических практик» [17, 138]. Авторы указывают на то, что «царь горы», находящийся, как правило, в ситуации, обозначаемой как «дилемма диктатора», не имеет серьезных стимулов к созданию качественных (демократических) институтов, а «созданные им «плохие» (т.е. коррумпированные, непрозрачные и неэффективные) институты для него как раз являются «хорошими», так как они выполняют функции, для которых были созданы, и закрепляют соответствующую «институциональную ловушку» [17], которую в своей работе описывает В.Гельман [9]. В результате, по мнению авторов, «происходит «захват государства» и дальнейшее закрепление «большого», но «слабого» (с точки зрения качества институтов) авторитарного государства» [17, 138]. В свою очередь, экономист К.Сонин в работе «Экономика ресурсного проклятия» объясняет несовершенство, неэффективность и даже разрушение политических институтов современной России действием фактора нефтяной ренты [27]. Используя модель «царя горы», ее авторы дают свою интерпретацию фактора экономической и политической ренты, указывая на то, что она оказывается главным для политического лидера (патрона) стимулом сохранения статус-кво, а ее перераспределение осуществляется за счет использования «плохих» для общества, но хороших для власти политических институтов (имитационные выборы, доминантную партию и включенную в режим системную оппозицию, государственный аппарат) [17, 138–139].

Соавтор Гельмана по проекту «Россия – 2020. Сценарии развития страны» Дж. Сигерт в статье «Россия – 2020: гражданское общество» указывает на еще одну характерную для российского социума черту, влияющую, как представляется, на характер российской политики: слабая укорененность неправительственных организаций в общественных структурах и сознании и одновременно их способность к сопротивлению [26]. Дж. Сигерт отмечает, что многочисленность неправительственных организаций и зарождающиеся низовые общественные инициативы потенциально могут способствовать демократизации российского общества, однако успех последней зависит от успешности полити-

ческой реформы в России. Мельвиль и Миронюк указывают четыре возможных стимула, хорошо известных по транзитологической литературе, которые могут заставить власть изменять институты, или, иными словами, начать политическую реформу: во-первых, раскол элит; во-вторых, подъем новых сильных элитных групп; в-третьих, давление «снизу» и, наконец, давление внешней среды [17, 140]. Наиболее интересным представляется третий стимул, причем не сам по себе, а в контексте разговора о том, а что может способствовать давлению «снизу»? Феномен «рассерженных горожан» и казус «Болотной площади» [12; 19; 20], «болотного дела» в контексте изучения федеральных электоральных кампаний 2011–2012 гг. и их политических эффектов – кратко- и среднесрочных [8], с позиций сегодняшнего дня свидетельствуют о том, что давление «снизу» оказалось несостоятельным в плане стимулирования власти начать демократическую реформу политических институтов. Почему? Этот вопрос не имеет, вероятно, одного единственного правильного ответа, однако представляется правомерным упомянуть Р.Инглхарта и У. Бэйкера, которые еще в начале 2000-х гг., основываясь на эмпирических данных об экономическом и политическом развитии 65 стран мира, показали, что составляющие культуру политические и социальные ценности и ориентации и паттерны играют значительную роль в становлении демократии [1]. Иными словами, для нас важным представляется ответить на вопрос: что отличает свойственные российскому обществу ценностные ориентации с точки зрения их возможного влияния (стимулирования и/ или блокирования) на давление «снизу»?

В основу данной работы легли результаты исследования, что для жителей Пермского края является ценностями, проведенного по методике Ш. Шварца, которая применяется в Европейском социальном исследовании (European Social Survey) [25] и которую в современной России активно используют в своих исследованиях сотрудники лаборатории сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ [1, 2, 3, 4, 5, 14, 15, 22, 23, 24]. Использование данных, полученных в результате социологического исследования в Пермском крае представляется релевантным по следующим основаниям. Пермский край на протяжении почти полутора десятилетий считался «столицей гражданского общества» [7], где спектр неправительственных организаций и их авторитетность являлись примером для других регионов России. По этим, но и не только, основаниям Пермский край по результатам рейтинга демократичности регионов с 2001 по 2010 гг. [13] маркировался экспертами как «либеральная столица», занимая первые места среди субъектов РФ в рейтинге демократичности. При этом уже в 2015 г. в этом же рейтинге регион спустился на 27-е место, что сами эксперты объясняли, как результат недемократического институционального выбора в ходе реформы МСУ в Прикамье [13]. Еще одним фактором, обуславливающим наш интерес к Пермскому краю как возможной проекции политических процессов и тенденций в России, является то, что за последние несколько лет, согласно данным А.С Семенова, динамика мобилизационных фреймов в

Прикамье в 2008–2012 гг. свидетельствует о том, что протестная активность за эти годы остается на одном и том же уровне, в то время как, например, в Тюменской области она растет.

Под ценностями, как правило, понимаются устойчивые убеждения человека, обуславливающие его поведение и отношение к действительности. Под базовыми ценностями Ш. Шварц понимает «желаемые, выходящие за рамки конкретных ситуаций цели, которые отличаются друг от друга с точки зрения значимости и являются определяющими принципами в жизни человека» [6]. Исследование, реализованное ЦСПСИ Пермского государственного национального исследовательского университета в 2014 г., включало: опрос методом формализованного интервью (выборка составила 721 чел.) и когнитивных интервью у представителей различных социальных групп населения. При составлении инструментария исследования на основе методики Ш. Шварца были выделены 10 базовых мотивационно отличающихся ценностных типа, представленных в виде 21 описания человека. Они сводятся к следующим ценностям: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность. В формализованном интервью респондент должен был оценить по 6-балльной шкале, насколько похож или не похож описываемый в вопросе человек на самого опрашиваемого: от «очень похож» (6 баллов) до «совсем не похож» (1 балл). На основе оценок исходных высказываний вычислялись 10 типологических ценностных индексов («латентных мотивационных типов ценностей», по Шварцу).

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что для пермяков характерна, прежде всего, ценность безопасности, которая противоположна ценностям риска и новизны. Так, при подсчете значений ценностных индексов мотивационный тип «Безопасность» получил «0,71» балл, оказавшись на первом месте по значимости для пермяков, тогда как тип «Риск-новизна» получил «-0,68» баллов, заняв последнее место в ценностной модели респондентов (см. рис.1). Для «среднего» пермяка характерна высокая осторожность и потребность в защите со стороны сильного государства, которое бы смогло обеспечить социальную стабильность и безопасность. Сравнительно высоки и консервативные установки, верность традициям. В соответствии с этим, практически отсутствует склонность к риску, стремление к приключениям, слабо проявляется потребность в творчестве, занятии новыми, неизвестными делами. Подобные ценностные ориентации, полагаем, скорее блокируют гражданскую активность, не способствуют стремлению к реформированию политических институтов, так как этот процесс может вызывать ассоциации с неустойчивостью, риском для социально-экономической системы, угрозой национальной безопасности, что противоречит выявленным ценностям.

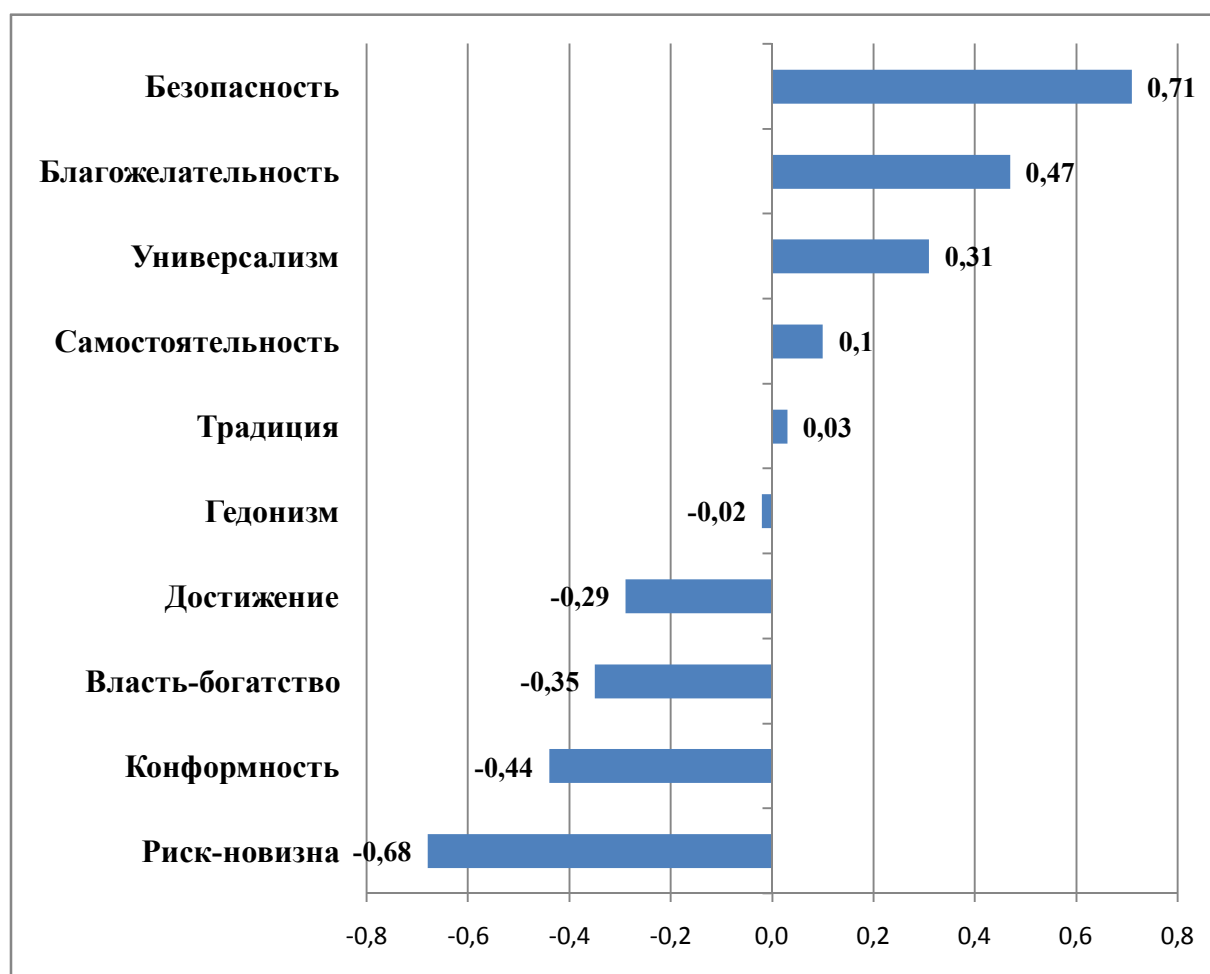

Рис. 1. Иерархия ценностей жителей Пермского края, средние значения ценностных индексов (баллы)

Ценность «Безопасность» с точки зрения подхода Ш. Шварца складывается из безопасного окружения и признания роли государства как «защитника» от угроз во всех сферах жизни. В вопроснике и путеводителе респондентам задавались два вопроса относительно этой ценности: «Насколько похож или не похож на Вас человек, которому важно жить в безопасном окружении, избегать всего, что может угрожать его безопасности?» и «Насколько похож или не похож на Вас человек, которому важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях?». Большинство участников исследования согласились, что похожи на подобного человека. В проведённых когнитивных интервью звучали следующие мнения по этому поводу:

– *«Хочется жить в безопасности, чтобы спокойно было, чтоб не трясло, как на вулкане, во всех смыслах: на работе, в семье... Чтобы я, дети могли спокойно ходить по улицам и чувствовать себя в безопасности. Чтобы я не боялась выйти во двор, пройти по городу»* (из интервью №3, с пенсионером);

– *«Если ты каждый день, выходя из дома, думаешь, как бы тут башку не прострелили тебе и твоей семье, о чем еще ты можешь думать?»* (из интервью № 5, с предпринимателем);

– *«В наше время все хотят жить в безопасном обществе, все хотят ходить по своему району без страха быть ограбленным»* (из интервью №12, с наемным работником).

К основным угрозам безопасности респонденты относят преступность, ситуации в общественных местах; неизлечимые заболевания; финансовые кризисы; наркоманию, алкоголизм; теракты, катастрофы, войны; функционирование коммунальных и транспортных служб.

– *«Максимальная безопасность на границах с другими странами. Пусть играют (в государственные игры), лишь бы правильно играли, и это не сказалось бы на общей безопасности всех. Не дай Бог, начнётся война...»* (из интервью № 2, с предпринимателем);

– *«Теракт, война... А, ну еще стихийные бедствия, всякие природные... Чтобы вышел на улицу, никто не мог тебя ни стукнуть, ни толкнуть, ни плюнуть на тебя, ничего. Чтобы ехал в транспорте и чтобы не ломался ни автобус, ни поезд, ничего. Что еще? А, ну и различные, опять же, стихийные бедствия. Все. Ну, и мировые войны, конечно»* (из интервью № 4, с наемным работником);

– *«Общество ты контролировать не можешь. Не знаю, что у человека в голове, что он думает. Ты идешь по улице ночью, а навстречу – пьяница. Вот что он тебе сделает? Может, он у тебя сигарету попросит, может угрожать станет. Или ты идешь по зебре, а там машина едет, и ты думаешь, остановится ли она...»* (из интервью №6, со студентом);

– *«Например, ипотека, я должен быть уверен, что у меня всегда будут деньги, чтобы её выплатить и при этом остаться с куском хлеба»* (из интервью № 11, с предпринимателем).

Усложнение внешнеполитической ситуации, нестабильность социально-экономических условий, уровень преступности, а также проблемы алкоголизма и наркомании в современном российском обществе вызывают у населения потребность в защите со стороны государства. Так, в ходе исследования почти все интервьюируемые подчеркнули, что поддержание безопасности – это «обязанность», «функция», «работа» государства:

– *«Это напрямую обязанность государства»* (из интервью № 1, со студентом);

– *«Я считаю, государство должно обеспечивать безопасность»* (из интервью № 4, с наемным работником);

– *«Это работа государства»* (из интервью № 8, с предпринимателем);

– *«Это одна из основных обязанностей государства»* (из интервью № 10, со студентом);

– *«Я должен быть уверен, что я живу в мирной стране, что я завтра проснусь, что моей семье ничто не навредит»* (из интервью № 11, с предпринимателем).

Респонденты относят в круг обязанностей государства защиту общегосударственных границ, предотвращение военных угроз; противодействие терроризму, революциям, общественным катаклизмам; обеспечение безопасности на массовых мероприятиях, экономической безопасности, безопасности в общественных местах; защиту по программе свидетелей; обеспечение функционирования служб быстрого реагирования (скорая медицинская помощь, пожарные, полиция; работа коммунальных служб), организацию контроля состояния дорог, общественного транспорта; совершенствование законодательства, уменьшение бюрократии, бумажной волокиты, контроль работы чиновников; предупреждение стихийных бедствий; обеспечение безопасности в межэтнических отношениях. Возлагая на государство большую ответственность во многих общественных сферах, респонденты демонстрируют склонность к зависимости от государства, даже стремление переложить на него ответственность.

Кроме стремления к безопасности респонденты демонстрируют неготовность идти на риск, пробовать новое. Ценность «Риск-новизна» в инструментарии исследования была представлена двумя вопросами: «Насколько похож или не похож на Вас человек, которому нравятся неожиданности, который всегда старается найти для себя новые занятия. Он считает, что для него в жизни важно попробовать много разного?» и «Насколько похож или не похож на Вас человек, который ищет приключений и ему нравится рисковать. Он хочет жить полной событиями жизнью?». В ходе проведения когнитивных интервью респонденты настороженно реагировали на эти вопросы, сразу же уточняя, что неожиданности бывают и отрицательными, планирование и предсказуемость предпочтительнее, а риск несет в себе опасность:

– *«Когда слишком много неожиданностей, состояние сильного стресса – это тоже не очень хорошо», «Если постоянно менять сферы, нигде не дойдешь до результата до какого-то осязательного»* (из интервью №5, с предпринимателем);

– *«Нет, неожиданности мне не нужны, мне лучше спокойное будущее, в котором я знаю, что меня ждет»* (из интервью №6, со студентом);

– *«Я, безусловно, все планирую и заранее пытаюсь как-то всё просчитать»* (из интервью №8, с предпринимателем);

– *«В профессии я выбрала один раз – и проработала 48 лет – семью создала один раз и прожила», «Я считаю, что рискованные люди — это люди не всегда адекватные – я считаю себя адекватным человеком, и рисковать я не рискую, я всегда взвешиваю»* (из интервью № 9, с пенсионером);

– *«Неприятные неожиданности разочаровывают»* (из интервью №10, со студентом);

– *«Не люблю лезть в неизведанное»* (из интервью №11, с предпринимателем);

– «Я не такой человек, который любит неожиданности. Я люблю, чтобы все всегда было по плану» (из интервью № 12, с наемным работником).

Выделенные Ш.Шварцем 10 базовых типов ценностей объединяются в 4 метаценности, которые составляют две пары противоположностей (см. табл.): «Сохранение» противостоит «Открытости изменениям», а «Самоутверждение» наоборот «Выходу за пределы своего «Я».

В свою очередь, метаценности «Открытость изменениям» и «Самоутверждение» относятся в большей степени к индивидуалистическим (личным) ценностям, тогда как «Выход за пределы своего «Я» и «Сохранение» относятся к коллективистским (групповым).

Соответствие 10 базовых ценностей метаценностям

Оси ценностей	Метаценности	10 базовых ценностей
Сохранение — Открытость изменениям	Сохранение	Безопасность
		Конформность
		Традиция
	Открытость изменениям	Самостоятельность
		Риск-новизна
		Гедонизм
Самоутверждение — Выход за пределы своего «Я»	Самоутверждение	Достижение
		Власть-богатство
	Выход за пределы своего «Я»	Благожелательность
		Универсализм

При анализе результатов формализованного опроса были рассчитаны ценностные индексы по этим 4 метаценностям, выделяемым Ш.Шварцем. В целом для жителей Пермского края оказались важнее коллективистские ценности, нежели индивидуалистические (см. рис. 2).

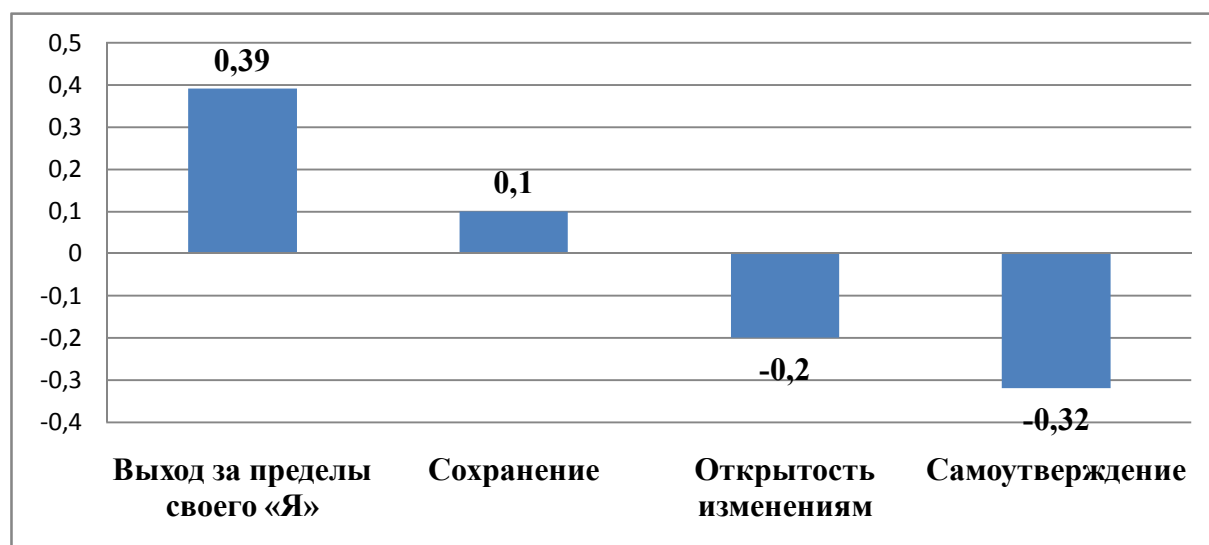

Рис. 2. Иерархия метаценностей жителей Пермского края, средние значения ценностных индексов (баллы)

Выраженность метаценности «Выход за пределы своего «Я» («Самотрансцендентность») говорит об ориентированности пермяков на заботу о близких людях, о природе, доброту, толерантность, терпение, стремление выслушать и понять точку зрения других, верность друзьям. Иными словами – это ориентация на других, на принадлежность к своей социальной группе, на общий выбор, коллективное мнение и решения. Метаценность «Сохранение» проявлена в ценностной модели пермяков за счет их стремления к безопасности окружения и восприятия государства как гаранта социального порядка. Соответственно любые социальные изменения, реформы, смена власти неизбежно могут восприниматься напряженно, так как они вступают в противоречие со стремлением к сохранению, тенденцией к авторитарному и консервативному мышлению. В то же время отсутствие стремления к самоутверждению и открытости изменениям ведут к низкой политической активности, отсутствию должной поддержки демократических реформ института государства.

В этом отношении представляют интерес результаты кросскультурного исследования Г. Триандиса (Triandis H., 1994 г.), в ходе которого были проанализированы индивидуалистические и коллективистские ценности и культуры. Работа Г. Триандиса соотносится с подходом Ш.Шварца, оба противопоставляют социальные и личные ценности, однако акцент на индивидуализме и коллективизме культур сделан именно в трудах Г. Триандиса: «Индивидуалистической может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее (если не более) важны, чем групповые. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными. В каждой культуре люди имеют как индивидуалистические, так и коллективистские тенденции сознания и поведения, однако индивидуализм характерен для Запада, а коллективизм — для Востока и Африки» [21]. Г. Триандис приходит к выводу о том, что «к недостаткам коллективизма относятся: авторитаризм и давление на личность (например, детей часто заставляют выбирать не то, что нравится им самим, а то, что нравится родителям); высокая вероятность установления автократических режимов; низкая ценность отдельной человеческой личности и даже человеческой жизни. Для культур, основанных на индивидуализме, характерны акцент на правах отдельной личности, демократия, мультикультурализм. Наказывается один человек и только за свои проступки в соответствии с законом. Личность может развивать свои таланты, и это выгодно всему обществу, так как экономика развивается в результате предприимчивости отдельных людей» [21]. Исследование Г. Триандиса подтверждает взаимосвязь коллективистских ценностей, присущих культурам отдельных обществ (преимущественно восточных), и склонностью к авторитаризму, установлению и сохранению автократических режимов, низкую политическую активность населения.

Интерес представляет то, что результаты, полученные в ходе пермского исследования, в определенной мере коррелируют с данными по Российской

Федерации, полученными в рамках «Европейского социального исследования-2012» (European Social Survey - ESS) [28]. Сравним результаты по России с данными опроса по Пермскому краю. Для пермяков такие ценности, как безопасность, благожелательность, гедонизм, риск-новизна являются более значимыми в сравнении с предпочтениями среднестатистического россиянина. Кроме того, пермяки меньше склонны выбирать традицию и конформность, а также ценности достижения, власти и богатства (см. рис. 3).

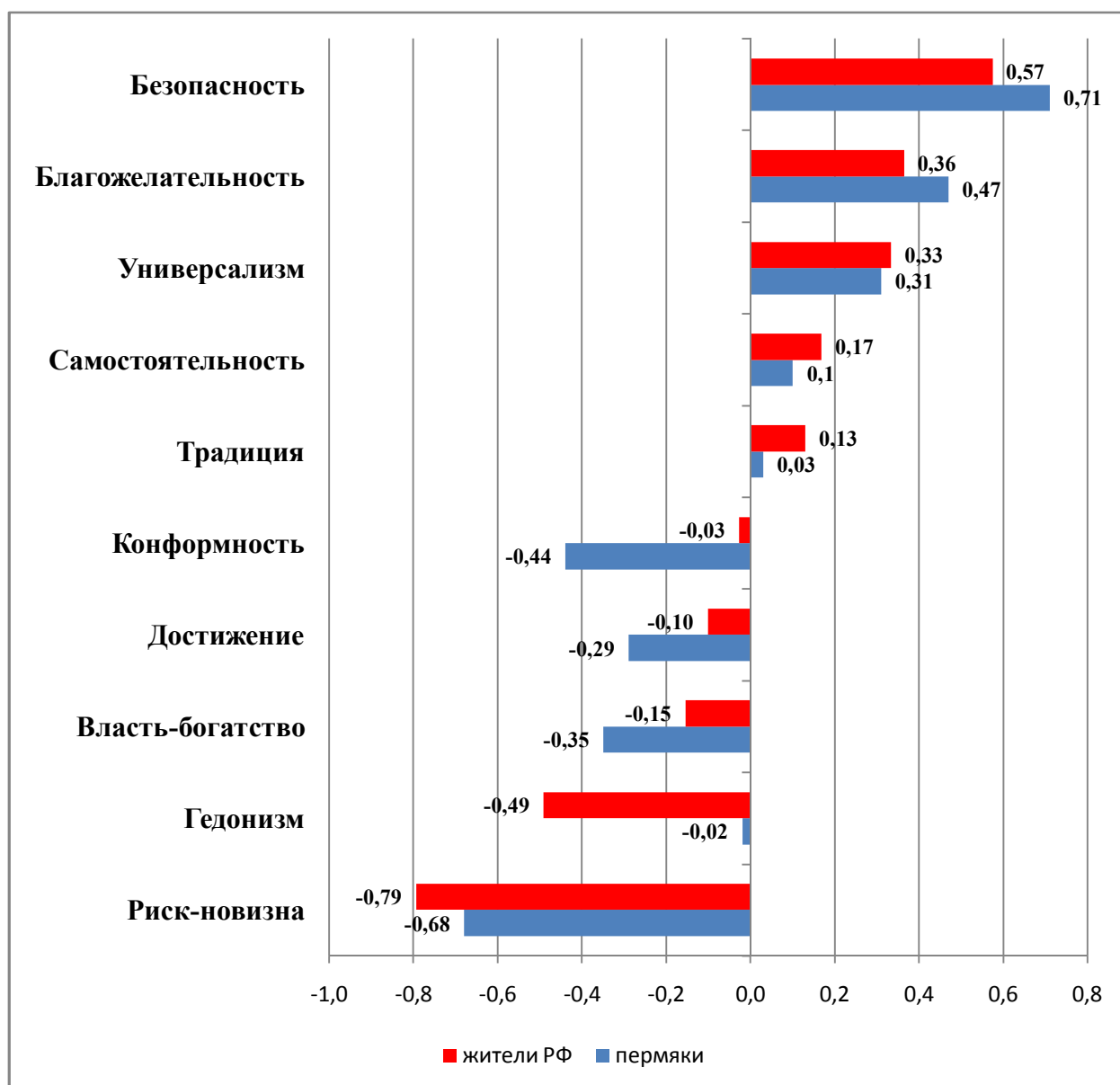

Рис. 3. Сравнение ценностей жителей Российской Федерации и пермяков, средние значения ценностных индексов (баллы)

Вместе с тем, данные свидетельствуют о том, что пермяки, как и россияне в среднем, склонны в большей степени отдавать предпочтение ценностям выхода за пределы своего «Я» и сохранения, в то время как ценности самоут-

верждения и открытости оказываются для тех и других менее значимыми. Для среднестатистического пермяка ценность «Выход за пределы своего «Я» (забота о людях и природе) оказывается настолько значимой, насколько незначимой ценность самоутверждения. Тогда как для среднероссийского жителя самоутверждение играет большую роль, чем для пермяков (см. рис. 4).

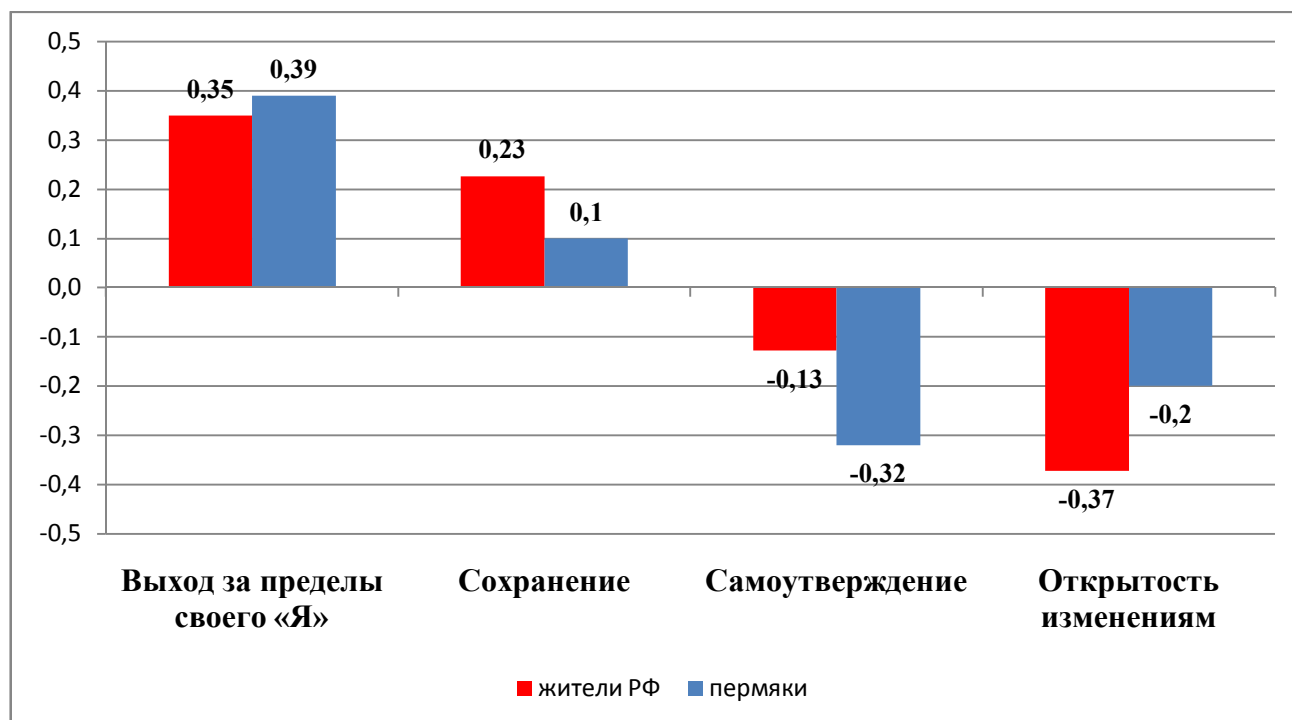

Рис. 4. Сравнение метаценностей жителей Российской Федерации и пермяков, средние значения ценностных индексов (баллы)

С одной стороны, это наблюдение свидетельствует в пользу тезиса о том, что пермский случай может быть рассмотрен как *относительно* типичный и «среднероссийский», а значит, полученные результаты могут являться *относительной* проекцией для анализа тенденций развития российского общества. С другой стороны, полученные данные, вероятно, объясняют «уникальность пермского кейса» с точки зрения развитости в регионе активистских гражданских инициатив и значимости и даже успешности правозащитных организаций, где среда (если понимать под ней доминирующие ценностные ориентации регионального социума) благоприятна для них. Однако в целом, по России и в пермском случае, в частности, прослеживается тенденция распространенности консервативных и коллективистских ценностей, способствующих авторитаризму и являющихся, как представляется, барьером для того, чтобы политические институты демократии заработали. Результаты опроса в Пермском крае и их сопоставление с результатами общероссийского опроса свидетельствуют о свойственных для россиян инертности и патернализме. Среднестатистический россиянин предпочитает во многих вопросах рассчитывать на поддержку, за-

щиту и помощь государства, чувствует свою зависимость от него, воспринимая его как патрона.

Эти выводы подтверждаются и другими исследованиями, в т.ч. выполненными по другим методикам. Так, политологи, характеризуя особенности политической культуры современного российского общества, как правило, оперируют данными электоральной статистики [11], результатами опросов общественного мнения относительно вопросов о доверии граждан России институтам власти, отмечают такие свойственные среднестатистическому россиянину характеристики, как инертность, патернализм (особенно усиливающиеся в случае нестоличных городов периферии и полупериферии) и даже самодостаточность, дистанцированность от власти [16]. Например, исследование А.Желниной, посвященное стратегиям политического поведения современной российской молодежи (на примере Санкт-Петербурга и Выборга), свидетельствует об отсутствии у нее политической субъектности и, как следствие, ее деполитизации. В силу возраста, казалось бы, молодежь должна быть более активной и стремящейся к самостоятельности. Однако «Молодежь традиционно делегирует ответственность «взрослым» и «тем, кто лучше знает», - пишет А.Желнина. – Эта позиция – мы пока «маленькие», нам бы выучиться, свою жизнь наладить – мощная преграда на пути к коллективному действию» [10]. Автор отмечает, что такая «детская позиция» является реакцией на традиционное для российского общества патерналистское отношение к молодежи, особенно со стороны власти: «В российском дискурсе она обычно представляется несамостоятельным объектом облагораживания, «патриотического» и прочего воспитания, но никак не субъектом собственной судьбы» [10]. Это и другие [19] исследования политического поведения, свойственного современной российской молодежи, указывают на то, что молодежь, не обладая политической субъектностью, едва ли готова быть агентом давления «снизу», равно как им не являются, к сожалению, и их родители, люди более старшего поколения.

Негативное восприятие населением перемен и всего нового оказывается противоположным положительному восприятию стабильности, устойчивости, надежного будущего. Это, вероятно, объясняется особенностями менталитета россиян, влиянием исторического прошлого и непростым опытом социальных трансформаций 1990-х гг. С точки зрения нашего исследовательского вопроса, доминирование этой ценностной установки в структуре ценностных ориентаций пермяков может быть рассмотрено как фактор, блокирующий позитивное отношение россиян к требованиям реформ и перемен со стороны оппозиции.

Библиографический список

1. *Baker W., Inglehart R.* Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. February. P.19–51.
2. *Fabrykant M., Magun V.* Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective // *Working papers by Series WP BRP 62/SOC/2015 "Sociology"*. 2015.
3. *Magun V., Rudnev M.* Basic human values of Russians: both different from and similar to other Europeans // *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology"*. 2013. No. WP BRP 23SOC2013.
4. *Magun V., Rudnev M.* Basic Human Values of the Russians: Both Different from and Similar to Other Europeans / *Culture Matters in Russia and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / Ed. by L. Harrison, E. G. Yasin. Lexington Books, 2015.
5. *Magun V., Rudnev M.* Basic Values of Russians and Other Europeans // *Problems of Economic Transition*. 2012. Vol. 54. No. 10. P. 31–64.
6. *Schwartz S.H.* Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by M. Zanna. New York: Academic Press, 1992. Vol. 25.
7. *Аузан А.* Пермь вновь стала гражданской столицей // *Известия*. 2002. №61. 8 апр.
8. *Гельман В.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб., 2013. С. 145–226.
9. *Гельман В.* Политические институты // *Россия – 2020. Сценарии развития страны*. [Электронный документ]. URL: <http://russia-2020.org/ru/2010/09/14/political-institutions-2/> (дата обращения: 22.01.2015).
10. *Желнина А.* «Мы пока маленькие», или Делегирование взрослым политической ответственности // *Ведомости*. 2015. 26 мая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/05/26/593612-mi-poka-malenzie-ili-delegirovanie-vzroslim-politicheskoi-otvetstvennosti>.
11. *Зевина О.Г., Макаренко Б.И.* Об особенностях политической культуры современной России // *Полис*. 2010. № 3. С. 114–131.
12. *Зеленина Г.* Между каменным веком и Советским Союзом: Средневековые для рассерженных горожан и новых хипстеров. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/9009> (дата обращения: 5.02.2015).
13. *Кынев А.* Региональная оценка демократии: попытка формализованной оценки. Лидеры и аутсайдеры. [Электронный ресурс]. URL: <http://alexander-kunev.livejournal.com/230047.html> (дата обращения: 19.03.2015).
14. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Альтернативные структуры ценностных переменных Ш. Шварца в Европе // *XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред.: Е. Г. Ясин. М., 2015. Кн. 4. С. 488–499.*

15. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред.: Е. Г. Ясин. М., 2012. Кн. 3. С. 87–97.
16. Материалы экспертной дискуссии «Политические процессы в моногородах Урала». Международная научная конференция «Малые города – малая политика?». Пермь – Чусовой, 2015. 20–21 мая. [личный архив авторов].
17. *Мельвиль А., Миронюк М.* «Царь горы» или почему в посткоммунистических автократиях плохие институты? // Полис. 2013. №2. С.125–143.
18. *Нисневич Ю.* Анти-Чуров. «Рассерженным горожанам» с площадей нужно перемещаться на избирательные участки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.democracy.ru/article.php?id=3323> (дата обращения: 5.02.2015).
19. *Омельченко Е.* Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59–86.
20. *Попова О.* Сетевая коммуникация рассерженных горожан // Демократия и управление. 2001. №1(13). С.18–29.
21. Психология: учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / под общ. ред. В. Н. Дружинина. СПб., 2009. 532 с.
22. *Руднев М.Г., Магун В.С.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.
23. *Руднев М.Г., Магун В.С.* Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья вторая) // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 5–17.
24. *Руднев М.Г., Магун В.С.* Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 4. С. 81–96.
25. Сайт Европейского социального исследования в России. URL: <http://www.ess-gu.ru> (дата обращения: 03.07.2015).
26. *Сигерт Дж.* «Россия – 2020: гражданское общество // Россия – 2020. Сценарии развития страны. [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-2020.org/ru/2010/08/23/russia-2020-civil-society/> (дата обращения: 22.01.2015).
27. *Сонин К.* Экономика ресурсного проклятия. Лекция. URL: <http://www.slideshare.net/NewEconomicSchool/ss-6174201> (дата обращения: 22.01.2015).
28. Использована база данных по 24 странам 6-й волны 2012 г. (лейбелы на русском языке), SPSS файл (версия 30.10.2013 г.). URL: <http://www.ess-gu.ru/index.php?id=330> (дата обращения: 02.11.2014).

**VALUE ORIENTATIONS IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY
AND THE PROBLEM OF DEMOCRACY INSTITUTIONS' QUALITY
(CASE STUDY OF PERM KRAI)**

N.V. Borisova

Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

K.A. Voronova

Assistant, Department of Sociology, Perm State University

The article considers value orientations characteristic of today's Russian society in the context of their possible influence on democracy political institutions' quality. On the basis of Sh. Schwartz's methodology, the values dominating among Perm citizens were revealed and compared with the Russian national average. The authors conclude that Perm citizens tend to have conservative and collectivist values, the same way as Russians on the whole. They rely on the state and hope for its protection, which fosters authoritarian polity and hampers development of democracy institutions.

Keywords: social and political institutions; civil society; democracy; values and value orientations.

References:

1. *Baker W., Inglehart R.* Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. February. P. 19–51. (In English).
2. *Fabrykant M., Magun V.* Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective // Working papers by Series WP BRP 62/SOC/2015 "Sociology". 2015. (In English).
3. *Magun V., Rudnev M.* Basic human values of Russians: both different from and similar to other Europeans // Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology". 2013. No. WP BRP 23SOC2013. (In English).
4. *Magun V., Rudnev M.* Basic Human Values of the Russians: Both Different from and Similar to Other Europeans / *Culture Matters in Russia and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / Ed. by L. Harrison, E.G. Yasin. Lexington Books, 2015. (In English).
5. *Magun V., Rudnev M.* Basic Values of Russians and Other Europeans // *Problems of Economic Transition*. 2012. Vol. 54. No. 10. P. 31–64. (In English).
6. *Schwartz S.H.* Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by M. Zanna. New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. (In English).
7. *Auzan A.* Perm has become a civic capital again // *Izvestia*. 2002. №61. 8 April. (In Rus.).

8. *Gel'man V.* Out of the frying pan into the fire: post-Soviet Russian politics. St. Petersburg, 2013. P. 145–226. (In Rus.).
9. *Gel'man V.* Political institutions // Russia – 2020. Development Scenarios. Available at: <http://russia-2020.org/ru/2010/09/14/political-institutions-2/>. (In Rus.).
10. *Zhel'nina A.* «We are still small», or Delegation of Political Responsibility to Adults // *Vedomosti*. 26.05.2015. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/05/26/593612-mi-poka-malenkie-ili-delegirovanie-vzroslim-politicheskoi-otvetstvennosti>. (In Rus.).
11. *Zevina O.G., Makarenko B.I.* On the Features of Contemporary Russia's Political Culture // *POLIS*. 2010. № 3. P. 114–131. (In Rus.).
12. *Zelenina G.* Between the Stone Age and the Soviet Union: the Middle Ages for Angry Citizens and New Hipsters. Available at: <http://gefter.ru/archive/9009>. (In Rus.).
13. *Kynev A.* Regional Evaluation of Democracy: a formalized method. Leaders and Outsiders. Available at: <http://alexander-kynev.livejournal.com/230047.html>. (In Rus.).
14. *Magun V.S., Rudnev M.G.* Alternative Structures of Schwartz's Value Variables in Europe // XV April International Scientific Conference on the Problems of Economy and Society Development: in 4 volumes / Ed. by E.G. Yasin. Vol 4. M., 2015. P. 488–499. (In Rus.).
15. *Magun V.S., Rudnev M.G.* Basic Values of Two Generations of Russians and Dynamics of Their Social Determination // XII International Scientific Conference on the Problems of Economy and Society Development: in 4 volumes / Ed. by E. Yasin. Vol. 3. M., 2012. P. 87–97. (In Rus.).
16. Political Processes in Mono-Cities of the Urals: Papers of the Expert Discussion. International Scientific Conference «Small Towns – Small politics?». Perm – Chusovoy. 20–21 May 2015. [Unpublished. Authors' Personal Archive]. (In Rus.).
17. *Mel'vil' A., Mironyuk M.* «The King of the Hill» or Why are Institutions Bad in Post-Communist Autocracies? // *POLIS*. 2013. №2. P. 125–143. (In Rus.).
18. *Nisnevich Yu.* Anti-Churov. «Angry Citizens»: It Is Necessary to Move from Squares to Polling Stations. Available at: <http://www.democracy.ru/article.php?id=3323>. (In Rus.).
19. *Omel'chenko E.* Youth Activism in Russia and Global Transformations of Its Meanings // *Journal Of Social Policy Studies*. 2005. Vol. 3. №1. P. 59–86. (In Rus.).
20. *Popova O.* Network Communication of Angry Citizens // *Democracy and Governance*. 2001. №1(13). P.18–29. (In Rus.).
21. *Psychology: Textbook for the Humanities Higher Educational Institutions*. 2nd Edition / Ed. by V. Druzhinina. St. Petersburg, 2009. 532 p. (In Rus.).
22. *Rudnev M.G., Magun V.S.* Basic Values of the Russians in the European Context // *Social Sciences and Modernity*. 2010. №3. P. 5–22. (In Rus.).
23. *Rudnev M.G., Magun V.S.* Basic Values of the Russians in the European Context (second article) // *Social Sciences and Modernity*. 2010. № 4. P. 5–17. (In Rus.).

24. *Rudnev M.G., Magun V.S.* Value Consensus and Factors for Value Differentiation of the Population of Russia and Other European Countries // The Public Opinion Journal. Data Analysis. Discussion. 2011. № 4. P. 81–96. (In Rus.).
25. *Sigert J.* «Russia – 2020: Civil society // Russia – 2020. The Country’s Development Scenarios. Available at: <http://russia-2020.org/ru/2010/08/23/russia-2020-civil-society/>. (In Rus.).
26. *Sonin K.* The Economy of the “Resource Curse”. A Public Lecture. Available at: <http://www.slideshare.net/NewEconomicSchool/ss-6174201>. (In Rus.).
27. Web-site of European Social Survey in Russia. Available at: <http://www.ess-ru.ru>. (In Rus.).
28. Data on 24 countries. 6th Wave, 2012 (labels in Russian), SPSS File (Version 30.10 2013). Available at: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330> (accessed 02.11.2004). (In Rus.).